

Белякова Дарья Владимировна

ОСОБЕННОСТИ БАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

В статье рассматривается проблема провинциальной бальной культуры, под которой автором статьи понимается особое семиотическое пространство провинции, выполнявшее роль организатора ритуально-праздничной светской жизни образованной элиты и имевшее придворный танец в качестве основного исторического кода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 31-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. 345 с.
2. Кибальник А., Соломонович И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 22-24.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2005. 912 с.
4. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1. 498 с.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2003. № 50. Ст. 4848.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗРФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
8. Философский энциклопедический словарь. Изд-е 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
9. <http://mezak.livejournal.com/132168.html> (дата обращения: 12.08.2012).
10. http://openinform.ru/fs/j_photos/openinform_350.pdf (дата обращения: 12.08.2012).
11. <http://www.memo.ru/2009/12/29/2912091.htm> (дата обращения: 12.08.2012).

NOTION OF “SOCIAL GROUP” AND ITS CRIMINAL-LEGAL MEANING

Andrei Nikolaevich Batanov, Ph. D. in Law
Department of Criminal Process and Criminalistics
Ul'yanovsk State University
Anbat78@mail.ru

The author studies the notion of “social group” in relation to a number of crime components under the Criminal Code of the Russian Federation, conducts the scientific analysis of this notion, also considers the examples of investigative and court practice, and basing on the conducted research formulates proposals for the improvement of the existing criminal legislation.

Key words and phrases: criminal legislation; social group; extremist crimes.

УДК 008

Культурология

В статье рассматривается проблема провинциальной бальной культуры, под которой автором статьи понимается особое семиотическое пространство провинции, выполнявшее роль организатора ритуально-праздничной светской жизни образованной элиты и имевшее придворный танец в качестве основного исторического кода.

Ключевые слова и фразы: провинциальная бальная культура; бал; семиотика столичного и провинциального пространства; купеческое и дворянское сословие.

Дарья Владимировна Белякова

Кафедра теории и истории культуры

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

Sophie_darie@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА©

В русском региональном образовательном пространстве XVIII-XIX вв. бальная культура составляла один из важных социальных компонентов. Она являлась частью праздничной культуры городской провинции. Направление общественного и научного внимания на практическую, духовную и нравственную значимость происходящего в регионах России делает социально важным анализ и осмысление особенностей, свойственных именно периферии, отношений провинций. Обращение к феноменам культуры прошлого, которые могут быть применены к процессам этнического самопознания современной России, определяет актуальность данной темы. Одной из наиболее значимых проблем, привлекающих внимание исследователей, является рассмотрение социокультурных процессов, имевших место в прошлом и происходящих сейчас в наше время. Особенное значение в этом плане приобретает изучение изменений в такой области, как бальная культура провинциального города. Связанная с общественным сознанием и с соответствием потребностей определенного слоя жителей, она служила действенным механизмом объединения общества. Посредством транслируемых через нее ценностей происходило включение индивида как в структуру социума, так и в его культуру.

В образовании и развитии провинциальной бальной культуры многое зависело от сословного и имущественного положения людей, места их жительства, вероисповедания, привычек и традиций. Одной из

социальных общностей, сыгравших бесспорно важную роль в истории провинциальной бальной культуры, было не только дворянское сословие, что являлось нормой для столичных городов, но и купеческое. «Приобретая профессиональные навыки, чувствуя усиливающуюся с годами экономическую мощь своих капиталов, купцы вырабатывали в себе новую систему нравственных ценностей» [10, с. 128].

В провинциальном городе, после дворянства и духовенства, купечество имело приоритеты в экономическом отношении и оказывало влияние на все стороны общественной жизни города, определяя также особенности развития бальной культуры посредством благотворительности и меценатства. В быт дворянства обязательно входили обеды и балы, чтение книг и музицирование, наслаждение произведениями искусства. Быт купечества определяло расположение, а точнее, удаление городов от центральной части России. На примере московского общества купечество мало выдвигалось на арену общественной жизни: оно было замкнуто и жило особыми духовными и материальными интересами. «В городах центральной полосы России встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такою же редкостью, как купца или купчиху в дворянской» [Там же, с. 122]. В удаленных провинциальных городах демократизация общественных отношений стирала сословные деления.

Начиная с петровской эпохи, в русском светском быте утверждается атмосфера торжественного праздника, во многом заимствуемая у Западной Европы. «Состояние ученичества было не случайным, так как игровая природа русской культуры этого времени определялась состоянием текучести, незавершенности и изменчивости самой российской действительности. Потребность в игре диктовалась возникшим в русском обществе напряжением от встречи с новым, “чужим”, которое привносилось в жизнь и быт людей разных сословий реформами Петра I. Через игру (праздник, развлечение, ритуал) снимался страх перед непривычным, незнакомым и “незаконным” с точки зрения православия и православной культуры, что помогало вытеснить из массового сознания чувство неуверенности. Игра освобождала “маленького” человека от тягот жизненных перемен, реформаций и модернизаций, осуществленных в России в первой четверти XVIII в. и делала восприятие бытия веселым и в некоторой степени беззаботным» [8]. Бал относился изначально к типу придворного праздника, но в XIX веке стал частью культуры светского общества аристократического и буржуазного сословий. Придворные балы служили каноническим образцом для организации городских балов. Театрализованность, повышенная ритуальность светской жизни в XVIII в. диктовала и режиссуру праздника: она создавалась как своего рода «театральная» постановка с традиционной композицией - пролог (приезд гостей), завязка (обед), развязка (бал, фейерверк), эпилог (разъезд гостей).

Западное происхождение бала как ритуализованного светского развлечения отражено и в этимологии данного слова.

Слово пришло в русский язык из немецкого: в переводе *Ball* означает «мяч». В старину в Германии существовал обычай: на Пасху сельские девушки с песнями обходили дома своих подруг, которые за минувший год вышли замуж. Каждой из них дарили по мячику, набитому шерстью или пухом. В ответ молодая женщина обязывалась устроить для всей молодежи деревни угощение и танцы, наняв за свой счет музыкантов. Сколько было в селе молодоженов, столько давалось и мячей, или «балов», то есть вечеринок с танцами.

В России до конца XVII в. ничего похожего на балы не существовало. Лишь в 1718 г. указом Петра I были учреждены ассамблеи, ставшие первыми русскими балами.

На протяжении XVIII-XIX вв. балы все прочнее входили в русский обиход и вскоре перестали быть принадлежностью только дворянского образа жизни, проникнув во все слои городского населения. Некоторые бальные танцы, например, кадрили, в XIX в. стали танцевать даже в деревне.

Во французском языке обозначением для праздничных костюмированных танцев служит слово *bal* [7]. В словоупотреблении оно сочетается с такими словами, как «костюмированный бал», «бал-маскарад» (*bal masqué, bal travesty, bal paré, bal costumé*).

Исторически бал является формой придворного танцевального празднества, возникшего в XV в. в Италии, а затем распространившегося во Франции и по всей Европе. Через жонглеров и труверов в бальные танцы проникали народные традиции, они соединялись с придворным этикетом, отличавшимся чопорностью и строгим символизмом.

Развитие танцев в течение XVI-XIX вв. происходило в сторону большей раскованности и свободы, так что в начале романтического XIX в. вальс стал считаться вольнолюбивым и даже непристойным танцем, хотя впоследствии завоевал широкую европейскую и российскую публику, став каноническим для бальной культуры. Толчком к развитию бала в русской культуре стали учрежденные Петром I так называемые ассамблеи [6, с. 52].

По признанию одного из авторитетнейших исследователей русской бальной культуры Ю. М. Лотмана, танцы были важным структурным элементом дворянского быта. Их роль существенно отличалась как от функции танцев в народном быту того времени, так и от современной. «В жизни русского столичного дворянина XVIII - начала XIX века, - пишет Ю. М. Лотман, - время разделялось на две половины: пребывание дома было посвящено семейным и хозяйственным заботам <...>; другую половину занимала служба - военная или статская, в которой дворянин выступал как верноподданный, служа государю и государству <...>» [5, с. 91].

Исследователь подчеркивает семиотическое разделение двух пространств жизни дворянина – частное и официальное.

Именно на балу устранялась эта семантическая оппозиция двух сфер коллективного бытия и быта. При сохранении сословной принадлежности бал позволял развивать неформальные и даже интимно-личностные взаимоотношения между «равными среди равных», более того, отчасти снимал и резкие границы внутрисословной иерархии. «Юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражениях полковника» [Там же].

Социально-историческая функция бальной культуры состояла в формировании специфически дворянской формы коллективного светского отдыха. Бальная культура, по сути, стала носителем цивилизующего, прозападного направления русской культуры. Это определило создание семиотического кода бальной культуры, своеобразной «грамматики» (Ю. М. Лотман). Центральным композиционным элементом бала как ритуализованного действия являлись собственно танцы, которые определяли легкий, светский, развлекательный тон беседы, требовавшей остроумия и владения словом.

До начала XVIII в. в общественном сознании ритуал воспринимался как способ сохранения сложившегося столетиями порядка. В этом качестве он регулировал повседневность и заполнял все пространство человеческой жизни. За рамками ритуала оставались лишь экстравагантность и причуды, акты творчества и инициативы. Исходя из данного понимания ритуала, культурные новации Петра I воспринимались как причуды, хотя таковыми не являлись.

Затем, по мере усвоения европейских культурных форм праздника, досуга, веселья, ритуал вновь входит в ткань повседневной культуры, но уже в ином, десакрализованном виде. Через светские ритуалы (церемонии) личность стала осознавать свою коллективную, сословную и культурную принадлежность. Сознание участников таких ритуалов-церемоний по сценарному замыслу организаторов должно было воспарять ввысь над житейской суетой и скукой буден [11, с. 75].

Таким образом, бал становился новой формой определения своего места в социокультурном пространстве.

Очерченные особенности бала XVIII – начала XIX века – это церемониал. В бальном церемониале разворачивались социальные страсти и дискурсивные ходы (серия проходов отдельных пар, демонстрация искусности каждого танцующего «себя перед всеми»). На балу через особые церемонии проходило вынесение «Я» вовне и отождествление его с внешней данностью [3].

Подтверждением этому может служить система общения мужчин и женщин на балу, выбор женщиной мужчины, выбор «царицы бала». В этой части бальной культуры просматривалась ностальгия по непрожитым русской культурой временам средневековой рыцарской эстетики. Ориентация на демонстративность, зрелищность, парадную церемониальность бала контрастировали с функциональной нагрузкой «бальной рамы» (курильной, игровой, буфетной комнатами).

Его «экстравертность» была направлена на выявление способности участников бала к овладению комплексом сословных норм. На эти же цели была направлена и его атрибутика: платье, украшения, множество свечей, цветы, громкая музыка, танцевальные фигуры.

К началу XIX в. бал теряет свой церемониальный характер, обязательную «бальную раму», встраиваясь в социокультурную повседневность высшего сословия. Бал как часть праздничной культуры XVIII века более всего разрушил древнерусскую «теремную культуру».

В начале XIX в. бал смещается на периферию культурной жизни. «Русская культура в целом в тех характеристиках в период европеизации праздничной культуры, предстает не только как трансляция образов, норм и ценностей прошлого новым поколениям, но и как открытая для нового система, свободная от культуров, заданного стереотипа традиционной культуры» [8]. Такие внешние явления, как балы, маскарады, любительские спектакли, домашние концерты, туалеты и т.д. в провинции, являлись показателями культурного уровня [1, с. 26].

К XIX в. относится процесс распространения столичной бальной культуры в провинции. Достаточно важное влияние на инновацию форм и образа жизни оказывали перемещения крупных войсковых соединений по России, которые способствовали тиражированию европеизированных культурных образов. Модернизированные ритуально-праздничные формы «вживлялись» в обиход наиболее авторитетных и зажиточных, образованных слоев российского общества, что способствовало становлению общеевропейской ментальности русских, постепенному приобщению отдаленных регионов страны к прозападной культуре. Однако при этом в провинции сохранялось наличие собственных этнокультурных и социальных традиций. Традиционность – одно из специфических качеств провинции. «Провинциальная культура соединяет, казалось бы, несоединимое, но в своем миропонимании она основывается на единстве и гармонии мира, в ней нет противоречия между традициями и новаторством, нет конфликта, выходящего на первый план в Столичной культуре» [9, с. 112].

Балы в провинции, как правило, давались в дни государственных праздников, связанных с важными моментами в жизни царствующего дома Романовых: рождением, крещением наследников, достижением ими совершеннолетия, вступлением в брак, коронацией [2]. При этом бал как составная часть праздника неизменно заключал торжество, являясь «финалом» в праздничном обеде, перед которым почти всегда обязательно были богослужение и военный парад. Эти официальные обеды обычно давались главными должностными лицами: генерал-губернаторами, губернаторами, окружными начальниками, а в тех городах, где купечество играло заметную роль, официальные приемы мог устраивать и городской голова. «Такое пестрое общество ни в одном губернском городе Центральной России, а тем более в Петербурге, было немислимо» [4, с. 24].

Провинциальная бальная культура служила средством приобщения к столичной европеизированной ритуальной жизни, пропитывалась ее духовными и материальными ценностями и служила средством консолидации центра и периферии.

Наряду с общими со столичной бальной культурой чертами (европоцентризм, инновативность, раскованность, снобизм, креативность и пр.) провинциальная бальная культура несла на себе отпечаток особой ментальности, где развитие определяли личности. Это отразилось в более консервативном и демократизированном характере провинциальной бальной культуры.

В русле современных подходов провинциальная культура не рассматривается как культура «низшего порядка», а признается самобытной, обладающей своими неповторимыми чертами, присущими только ей.

Таким образом, наблюдается отход от негативных коннотаций, распространенных в художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в.

Бальная культура провинциального города, направленная на празднично-телесную самореализацию провинциальной элиты, несла в себе мотивы объединения «несоединимых» социальных слоев общества - купечества и дворянства, что являлось отклонением от норм того времени, но на периферии представлялось естественным сотрудничеством, возникшим в результате развития экономической и политической структур отдаленного края.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск: Ирк. обл. изд-во, 1947. Вып. I. 200 с.
2. Гончаров Ю. М. Очерки истории и городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.
3. Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII - первой половине XIX века // Развлекательная культура: очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 174-178.
4. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1998. 752 с.
5. Логман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). Изд-е 2-е, доп. СПб.: Искусство-СПб, 2008. 413+5 с.
6. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 672 с.
7. Новый французско-русский словарь. М., 1994. 1194 с.
8. Семина В. С., Баженова Т. П. Европейские мотивы в архитектонике праздничной и развлекательной культуры России XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] // Аналитика культурологи. URL: <http://www.analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=printpage&pageid=290&scope=all>
9. Шамес Л. Я. Культурное пространство Юго-Восточной Сибири (Предбайкалье): традиции и современность. СПб.: Астерион, 2006. Кн. II. Коренные жители, старожилы, переселенцы, ссыльные. Каменное и деревянное зодчество. Персонология. 446 с.
10. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
11. Яковлева А. М., Уварова Е. Д., Тихвинская Л. И. и др. Развлекательная культура России XVIII-XIX вв.: очерки истории и теории / ред.-сост. Е. В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 527 с.

BALL CULTURE FEATURES IN PROVINCIAL TOWN

Dar'ya Vladimirovna Belyakova
Department of Culture Theory and History
Eastern-Siberian State Academy of Culture and Arts
Sophie_darie@mail.ru

The author considers the problem of provincial ball culture, by which she understands the particular semiotic space of province serving as the organizer of the ritual-festive social life of educated elite and having court dance as the principal historical code.

Key words and phrases: provincial ball culture; ball; semiotics of metropolitan and provincial space; merchant and noble class.

УДК 165:81

Философские науки

В статье прослеживается эволюция идеи о «смерти автора», начиная от теории В. фон Гумбольдта. Если изначально основной оппозицией в философии была оппозиция сознания и материи (субъекта и объекта), после Гумбольдта в классическую дихотомию «мышление – реальность» был введен третий компонент – язык. Сегодня же основная оппозиция – это оппозиция автора и интерпретатора (мышления) к тексту (языку) или даже «интерпретатор – текст». Центр тяжести в философских исследованиях переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен субстанциальностью.

Ключевые слова и фразы: сознание; реальность; язык; текст; интертекст; письмо; коннотативный смысл; субъект; автор; скриптор; читатель (интерпретатор); смерть субъекта; смерть автора.

Наталья Ириковна Береснева, д. филос. н., доцент
Елена Андреевна Кокарева
Кафедра философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
beresnevva@mail.ru; malheureu@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИДЕИ «СМЕРТИ АВТОРА»©

В настоящее время в философской и художественной литературе вновь стала популярной тема иллюзорности внешнего мира и замкнутости субъекта в собственном сознании. Новый субъективизм имеет ряд